

Содержание

<i>Михаил Цыпкин. Об отце.</i>	5
Лето в Бадене. Роман.	25
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
Мост через Нерочь	207
Норартакир	322
Пешком до метро	432
Запах жженных листьев	444
Третий вопрос	482
Похищение сабинянки.	498
Праздник, который всегда со мной	502
Последние километры	508
Десять минут ожидания	513
Попутчик.	524
Качели.	535
Сделка.	541
Вверх по реке.	561
Ваше здоровье!.	573
Тараканы	588
Ave Maria!	613
Из записок патологоанатома	633
Проводы	643
Шехерезада	647
<i>Сюзан Зонтаг. Любить Достоевского.</i>	654

Десять минут ожидания

Выйдя из метро, я прежде всего смотрю на часы — не на свои, которые всегда идут вперед, и я всячески попустительствую этому, потому что это позволяет мне, поверив в истинность показываемого ими времени, каждый раз испытывать приятное разочарование — еще рано! — не на свои часы, а на электрические, висящие на фонарном столбе, рядом с метро. Двадцать минут девятого. От столба, на котором укреплены часы, начинается очередь на городской автобус. Очередь эта тянется вдоль кромки тротуара, затем поворачивает, преграждая выход из метро, и погибает еще за угол, так что по своей форме она напоминает букву «Г», а выход из метро как раз упирается в горизонтальную планку этой буквы. Я пересекаю эту горизонтальную планку, иду в направлении служебной остановки, но затем в нерешительности останавливаюсь: не поехать ли мне на городском автобусе? Если сейчас стать в хвост очереди, которая кажется пугающе длинной, а на самом деле довольно быстро движется, потому что автобусы подходят каждые две минуты, то через минут пять-шесть можно уехать. В автобусе, если только не стремиться попасть в первый же подошедший, куда пускают всех желающих, после того как все очередники рассядутся, в автобусе всегда можно занять место — иногда даже около окна — и так вот, сидя в тепле, — городские автобусы всегда хорошо отапливаются — доехать до остановки «25-й километр» за несколько минут до прибытия служебного автобуса. Перейдя шоссе и войдя в ворота, каменные столбы которых увенчаны

потрескавшимися стеклянными шарами с полустершейся надписью «ВИДЭ», что должно обозначать сокращенное название нашего института, можно пойти по главной дороге, прорезанной двумя глубокими, покрытыми ледяной коркой колеями — следами служебного автобуса, который въезжает в ворота, а потом выгружает всех на половине пути, потому что дальше начинаются ледяные бугры и колдобины, и, по утверждениям шоферов, у перегруженного автобуса может поломаться ось, пойти не в составе шествия, напоминающего собой не то колонну демонстрантов, не то похоронную процессию, а пойти одному и так дойти до главного корпуса, войти в вестибюль и не торопясь, потому что до девяти часов осталось еще десять минут, не торопясь и подчеркнуто не здороваясь с табельщицей, вынуть из ячейки, помеченной номером 2602, свою карточку, внимательно осмотреть ее с двух сторон — нет ли какого-нибудь подвоха со стороны табельщицы, и пусть она видит, что я ее проверяю, — затем нехотя, как бы между прочим, словно делая одолжение табельщице, заложить карточку в часы, лениво отбить время, небрежно сунуть карточку в ячейку и, окинув презрительным взглядом табельщицу, которая, конечно, почувствовала всю меру своего унижения, хозяйской походкой руководителя учреждения пересечь вестибюль и скрыться в коридоре. Все это, однако, только в теории, а на практике все выходит по-другому, — я это хорошо знаю, потому что несколько раз ездил в городском автобусе. Прежде всего к стоящим впереди примазываются какие-то знакомые, или сослуживцы, или просто чужие, и вид у них при этом такой невозмутимый, словно они всю жизнь простояли здесь, и такие же примазавшиеся толпятся возле входа в автобус и норовят пройти впереди тебя и так проходят, и это еще до того, как все сидячие места

заняты и можно пускать всех желающих. Когда возле автобусной двери рядом с тобой оказывается вот такой примазавшийся, поджидающий только удобной минуты, чтобы проскользнуть, между нами возникает невидимая силовая борьба — мы вроде бы и не толкаем друг друга, но мышцы наши напряжены до предела, как у двух борцов, застывших в неподвижной стойке, и мы даже сквозь пальто чувствуем это враждебное напряжение, эту взаимную испепеляющую ненависть, которая только и поджидает секундной слабости противника, чтобы сломить его и проскользнуть вперед. Иногда мне удается одолеть, и тогда я вхожу в автобус со скромно-торжествующим видом, как чемпион, одержавший очередную победу, а вечером, растираясь после душа, с удовольствием рассматриваю себя в зеркале и поигрываю своими мышцами, которые в этот момент кажутся мне такими же выпуклыми, как на этюдах Леонардо да Винчи или в атласе анатомии, чаще же всего я уступаю, потому что у меня не выдерживают нервы, поскольку поединок возле автобусной двери носит не столько силовой, сколько психологический характер, и когда я чувствую, что не выдержал и уступил, и он протискивается вперед, у меня от ненависти и бессилия начинают перед глазами плыть зеленые круги, и я чувствую себя так, словно мою жену облапили при мне, а я молчаливо снес это, и так как долго жить с этим ощущением невозможно, то я вступаю на путь самообмана и начинаю убеждать себя в том, что он стоял в очереди, а я просто не заметил его и что, может быть, даже это еще я втерся без очереди. Еще большие неприятности подстерегают меня в автобусе. Если свободных мест мало и выбора нет, садись куда попало, не раздумывая, лишь бы занять место, ну а вот если перед тобой оказываются пустые ряды кресел — десять прилавков, заваленных апельсинами, и ни

одного человека в очереди, сбор красивых женщин, и каждую можно пригласить танцевать — то тут даже останавливаешься, задохнувшись от этой неправдоподобной доступности, а главное, от необходимости в короткое мгновение сообразоваться с обстановкой: с какой стороны будет солнце (от него подальше), какая сторона лучше отапливается, занавешена или нет шоферская кабина, чтобы можно было наблюдать за дорогой так, словно сам ведешь машину; при этом нельзя забывать об опасности слишком передних мест (дети, инвалиды и вообще лучше не связываться), а на задних сиденьях слишком жарко и пахнет бензином, а из середины, пожалуй, не выберешься. В общем, я стою, задохнувшись, а меня толкают и обтекают вошедшие позади меня, на моих глазах занимая только что пустовавшие места, — толпа, ворвавшаяся в магазин, и у прилавков уже выстраиваются очереди, курсанты военной академии, нагрянувшие на вечер, и уже все женщины разобраны. А шествие в одиночку по дороге, ведущей к главному корпусу, когда от непривычного одиночества по привычной дороге даже страшно делается и дух захватывает — вдруг часы тебя подвели, и ты опаздываешь, и все смотрят на тебя из окон — словно на тебя наведены невидимые дула — и ты ускоряешь шаг и уже почти бежишь, отступаясь и соскальзывая в колею, покрытую ледяной коркой, и сердце стучит, отдаваясь в ушах, и, только увидев позади догоняющий тебя служебный автобус, немного успокаиваешься, отходишь в сторону, утопая по колено в снегу, чтобы пропустить его, но затем снова почти бежишь, потому что нельзя же окатиться в конце колонны или, что еще хуже, позади нее.

И все-таки не поехать ли мне на городском автобусе?

Я стою как раз посередине между остановкой городского автобуса и стоянкой служебного, обвеваемый всеми

четырьмя ветрами, как солдат из поэмы Багрицкого, потому что конечную станцию метро, откуда я только что вышел, построили согласно генеральному плану задолго до начала жилищного строительства, так что над бескрайним заснеженным полем возвышаются только четыре наземных вестибюля станции метро, которые если соединить между собой, то получится огромный прямоугольник, — четыре стеклянных вестибюля, три из которых скорее угадываются, утопая в утренней поземке, — когда-нибудь здесь будет площадь с памятником и универмагом, а пока, когда едешь на автобусе по этому полю, особенно когда автобус набирает скорость, кажется, что это самолет разгоняется по взлетной полосе, — еще минута — оторвешься от земли, и тогда под тобой неожиданно расстелется город, а ведь только что и подумать было невозможно, что где-то существуют дома — одно бескрайнее снежное поле, а дальше по одной стороне дороги навалены какие-то валуны, так что летом, когда между ними проступает сухая бесплодная почва, кажется, что находишься на луне, а по другую сторону дороги виднеются прямоугольные бетонные плиты — наверное, их завезли сюда для строительства — они стоят бесчисленными рядами на некотором расстоянии друг от друга, одинокие и одинаковые, напоминая собой не то город небоскребов, не то еврейское кладбище.

Возле стоянки служебного автобуса еще почти никого нет — благодаря моим часам и постоянному страху опоздать, я всегда прихожу одним из первых — только две-три женщины из технического персонала прячутся от ветра за пивным ларьком с надписью «Русский квас» — его поставили одновременно с открытием станции метро. Одна из них — с раздутой, словно резиновый мяч, головой и с лицом сварливой кухонной бабы, другая — бывшая

пулеметчица, с лицом потаскухи и с втянутыми щеками, на которых, словно на опавшем тесте, пролегли глубокие морщины — еще немного, и лицо ее превратится в печеное яблоко — в автобусе она собирает у сотрудников билетики, делая это по собственному почину, и это так профессионально получается у нее, что первое время, забыв, что я нахожусь в служебном автобусе, я принимал ее за кондуктора, — обе эти женщины приходят первыми или одновременно со мной — обе они уже на расстоянии, по одному лишь виду автобуса, а может быть, по тому, как он едет или поворачивает, безошибочно узнают, кто сегодня за рулем — Миня или Гриня; ворвавшись в автобус первыми и сразу же заняв своими хозяйственными сумками все удобные места для своих приятельниц или для своего непосредственного начальства, они тут же вступают в любовную перебранку с шоферами, смысл которой до меня плохо доходит, потому что у них какие-то свои особые дела и особые счета и, возможно, даже шуры-муры. Я очень удивился, увидев их как-то в рабочей обстановке — куда девалась их автобусная независимость? Однажды вне института я случайно встретился с заместителем нашего директора — куда девалась его начальственность? — он стал делиться со мной какими-то своими соображениями и даже сомнениями и выдал себя: в его глазах я вдруг прочел неуверенность и слабость, обыкновенную слабость, и я подумал, что вечером он, наверное, так же как и я, унижается перед своей женой, чтобы ночью получить от нее то, что полагается, и эту свою откровенность со мной он до сих пор не может простить себе (а может быть, и мне) и теперь проходит мимо меня по коридору так, словно у него сифилис и об этом знаю лишь я один.

Я стою посередине между двумя остановками автобуса, городского и служебного, чтобы показать свою непричаст-

ность к младшему персоналу, — женщины, прятавшиеся за пивным ларьком, перешли теперь к служебной стоянке, и к ним добавилось еще пополнение, и все они толпятся на маленьком утоптанном пространстве — и, кроме того, эта моя позиция позволяет мне тешить себя мыслью, что я, может быть, все-таки уеду на городском транспорте, тем более что очередь там сильно приуменьшилась и хвост ее сократился, открыв выход из метро, откуда по направлению к служебной стоянке унылой вереницей тянутся сотрудники, вливаясь в группу ожидающих, словно ручеек чернил в кляксу. Мимо меня проходят две молоденькие лаборантки.

Одна из них, коротышка, почти школьница, в мини-шубке, открывающей стройные ножки, обутые в малиновые сапожки со шнуровочкой, увенчанной кокетливой завязочкой, — повиснув на руке своей более высокой подружки, она напоминает цирковую собачку с бантиками и колокольчиками, идущую на задних лапках, а передними опирающуюся на палочку дрессировщика. Из метро показывается Витюшкин. Маленький, тщедушный, с длинным крюковатым носом, он похож на только что вылупившегося птенца, особенно когда он мелкими шажками, словно из мультипликации, семенит по институтскому коридору, выворачивая наружу ступни — он страдает плоскостопием, — и над его лысиной развевается серовато-желтый пушок, а в руках он держит лоток с куриными яйцами — объектом своих экспериментальных исследований; скрывшись в лаборатории, он надолго исчезает там — наверное, долбит яйца своим клювиком, предварительно просмотрев их на свет. По странному контрасту с его фигурой у него насмешливое и даже ехидное выражение лица, которое, впрочем, исчезает, как только речь заходит о научной работе; лицо его тогда становится серьезным и даже глубокоторжественным,

словно он присутствует при исполнении государственного гимна, — любое шутивное замечание, брошенное в этот момент, заранее отмечается им, хотя и проглатывается — секундным усталым закрытием век, — мол, все понял, оценил, но, боже мой, как это неуместно, — и мне кажется, что он точно так же прикрыл бы глаза, если бы его ударили по физиономии. Вслед за ним появляется Гаузе. Он в два раза выше Витюшкина, и взгляд его полон грусти, но грусть эта мнимая, потому что взгляд у него бараний и лоб у него бараний, и мне всегда кажется, что он подойдет ко мне, положит голову на плечо и попросит дать ему пожевать сухой прошлогодней травы. Они неразлучны с Витюшкиным: вместе работают и вместе носятся по коридору с куриными яйцами в руках — при этом Гаузе умеряет свои аршинные шаги, чтобы не слишком опередить Витюшкина, — а ровно в половине второго в дверь комнаты, где я сижу, раздается короткий, но напористый стук — по нему можно проверять часы — это Витюшкин и Гаузе приглашают меня в буфет, и хотя я почти всегда отказываюсь, они делают это с завидной настойчивостью вот уже несколько лет — две головы, одна — птичья, на уровне дверной ручки, другая — баранья, под самым косяком, а туловище у них общее, но его не видно, потому что оно остается за дверью. А вот и супруги Митрохины. Он — жирный, с не очень чистыми ногтями, она — высокая, сухая, с длинным лицом, перекошенным не то от удивления, не то от ужаса. Он идет чуть позади, неся ее хозяйственную сумку, — словно Санчо Панса за Дон Кихотом. В автобусе они всегда читают газеты, целую кипу газет, которые они достают из хозяйственной сумки, разбирая их и обмениваясь ими с молчаливой деловитостью профессиональных картежников.

Двадцать восемь минут девятого, и толпа ожидающих у служебной остановки уже не клякса, а расплывшееся по краям чернильное пятно, но я этого не вижу, потому что стою сам среди этой толпы, стою ближе к краю, там, где пятно сходит на нет, — правда, ветер здесь посильнее и снег неутоптанный, но зато здесь вернее — по моим расчетам, именно здесь должна оказаться передняя дверь автобуса — впрочем, я могу и прогадать, потому что один водитель открывает только переднюю дверь, а другой — только заднюю, а какой из них приедет — неизвестно, но даже если приедет с передней дверью, мне все равно вряд ли удастся захватить место, потому что народу набралось много и все сразу хлынут, а вообще-то, автобусу уже давно пора быть, и все с надеждой вглядываются в заснеженную даль, и даже кухонная баба и бывшая пулеметчица несколько раз обманываются, приняв обычный автобус за служебный и попусту выкрикивая то «Миня!», то «Гриня!», но в общем-то все молчат и не возмущаются, хотя ясно, что в гараже вчера была очередная попойка, и если нужно будет, они будут вот так стоять до самого вечера, спрятавшись в воротник, повернувшись спиной к ветру — скульптурная группа «Ожидание», памятник покорности, но ведь и я тоже молчу. А хвост возле остановки городского автобуса совсем сократился и на моих глазах с катастрофической быстротой становится все короче, поглощаясь только что подошедшим автобусом, словно сантиметровая лента рулеткой.

— Ну его к черту: лучше на городской, — неожиданно для себя говорю я, ни к кому не обращаясь, и осторожно выбираюсь из толпы, и чем дальше я отхожу, тем решительнее и быстрее становятся мои шаги, и вот я уже почти бегу, и из толпы следом за мной с возгласом «Пошли к городскому!» устремляется несколько человек, а вслед за

ними еще и еще, и среди них Гаузе с Витюшкиным, который еле поспевает за своим длинным приятелем, и коротышка в мини-шубке, и супруги Митрохины, и все они улыбаются мне, и лица их светятся азартом и решимостью. Оглядываясь, я машу им, подбадриваю их: «Быстрее! быстрее!», и это звучит как «Ура!», как «Вперед, за мной!», и я чувствую себя атаманом, вождем, командиром, — ведь это я поднял их, и вместе с тем все мы равны, потому что идем в одной цепи, и у нас общая судьба, и каждый из нас готов умереть за другого. Задыхаясь, с разбега я становлюсь в хвост очереди, а следом за мной послушно, как вагоны за остановившимся паровозом, выстраиваются остальные. Теперь мне кажется, что очередь движется слишком медленно — вдруг автобус уйдет, не захватив всех? — какими я тогда глазами буду смотреть на них? — ведь это я их поднял. Вот уже совсем близко до двери, и я с гордостью успеваю заметить, что в автобусе есть еще свободные места — не зря я привел их сюда! Я заносу ногу на подножку и победно оглядываюсь, но с удивлением и ужасом вижу за собой незнакомые, чужие лица — такое бывает только во сне — а по снежному полю, растянувшись цепочкой, бегут те, кто только что стоял за моей спиной, — Витюшкин — он еле поспевает за Гаузе, коротышка в мини-шубке, супруги Митрохины — все они бегут, пригнувшись, втянув головы в плечи, словно боясь, что их настигнет пуля, бегут к служебной остановке, где виднеется автобус с толпой, чернеющей возле его двери. А на меня надвигаются незнакомые, чужие лица, черты их становятся все крупнее — на коже их я уже различаю угри, и глаза у них шальные — наверное, я мешаю им пройти — и я соскакиваю с подножки и бегу по заснеженному полю — успеть бы! догнать бы! — уже не атаман, не вождь, не командир, а отставший солдат.

Я стою, зажатый между телами сотрудников, раскачиваясь в такт с ними. За окном расстилается снежное поле, мимо меня проплывают стеклянный вестибюль станции метро, фонарный столб с часами, очередь. Автобус объезжает центральную часть поля, разворачивается и, на секунду остановившись, быстро набирает скорость, словно самолет, вырвавшийся на взлетную полосу. Впереди приближаются покрытые снегом валуны, а слева по ходу автобуса уже мелькают прямоугольные бетонные плиты — не то город небоскребов, не то еврейское кладбище. Может быть, он все-таки оторвется от земли?

31 марта 1971 г.